



Дѣтство и отрочество.

I.

Мои предки съ материнской стороны: прапрадѣдъ, пастырь-мученикъ Петръ Гавриловъ, прадѣдъ протоіер. Вельяминовъ и праздничныя собранія въ его гостини. Свадебный вѣнецъ моей бабушки. Дѣдушка Алексѣй Васильевичъ—платоникъ и членъ кружка „Ученыя Бесѣды“. Служеніе его священникомъ въ Москвѣ, законоучительство, „дѣло“ о немъ въ консисторіи, любовь къ занятіямъ иностранными языками, образованіе его дочерей. Дѣдушка Митрофанъ Васильевичъ—двѣцѣкъ антикварій. Мои предки по отцовской линіи и прот. А. В. Горскій.

Родъ, къ которому я имѣю честь принадлежать, не изъ столбового дворянства и ни въ какой бархатной книгѣ не записанъ. Въ изслѣдованіе его историческихъ судебъ никто доселѣ не углублялся, такъ какъ изъ постороннихъ ему лицъ никому это не представлялось интереснымъ, а изъ членовъ рода, очевидно, никто фамильною гордостью не былъ одержимъ. Отнюдь не думаю и я заниматься основательнымъ изученіемъ своей генеалогіи, но по привычкѣ къ историческимъ работамъ мнѣ представляется не лишнимъ нѣкотораго интереса отмѣтить изъ числа моихъ предковъ нѣсколько личностей, могущихъ оставить на себѣ вниманіе читателя.—

Въ московскомъ Ново-спасскомъ монастырѣ, въ старой части кладбища, расположенной у задней башни его южной стѣны, можно видѣть въ ряду старинныхъ могилъ не крупнаго размѣра памятникъ, представляющій по формѣ своей красивое соединеніе цилиндра съ прямоугольнымъ параллелепипедомъ, сдѣланный изъ твердаго, бѣлаго съ нѣсколько диковатымъ оттѣнкомъ камня и увѣнчанный простымъ желѣз-

нымъ крестомъ. На средней части памятника, на трехъ квадратахъ его параллелепипеда, прекрасно сохранились вырѣзанныя курсивомъ надписи. На квадратъ лицевой стороны написано:

Священникъ Петръ Гавриловъ
убитый французами на
пашерти храма св. 40 мучениковъ
въ 1812 г.

На квадратъ лѣвой стороны читаемъ:

Господи
упокой душу раба
Твоего вселеніяхъ Святыхъ
своихъ.

На квадратъ задней стороны написано:

Здѣсь скромно погребень
служитель алтаря,
Вкусившій смерть
за Вѣру, за Царя.
При заревахъ Москвы
вселенну изумившихъ
И кары грозныя на
злобу ополчившихъ
При храмъ Божьемъ онъ
паль пронзенъ врагомъ,
Живя о Господѣ въ
безсмертін святомъ.

Этотъ пастырь-мученикъ былъ по прямой линіи моимъ прапрадѣдомъ съ материнской стороны. Объ обстоятельствахъ его мученической кончины сохранившееся въ нашей семьѣ преданіе рассказываетъ, что, послѣ захвата Москвы Наполеономъ, одинъ изъ мародерскихъ отрядовъ разноплеменной непріятельской арміи предпринялъ грабительское нападеніе на стоящую противъ Новоспасскаго монастыря приходскую церковь Свв. сорока мучениковъ. Вооруженные грабители захватили о. Гаврилова и привлекли его на пашерть къ запертымъ дверямъ церкви, требуя, чтобы онъ выдалъ имъ скрытые ключи дверей и указалъ, гдѣ хранятся церковныя сокровища. Мужественный пастырь рѣшительно отказался исполнить ихъ требованіе, не смотря на побои и истязанія,

за что озлобленные враги тутъ-же и нанесли ему пиками и саблями рядъ смертельныхъ ударовъ.

Полный составъ семьи убиеннаго о. Гаврилова мнѣ не извѣстенъ; но кое-что я слышалъ и знаю о трехъ его сыновьяхъ, по старинному въ духовной средѣ обычаю носившихъ разныя фамиліи. Однимъ изъ нихъ былъ Александръ Петровичъ Святославскій, хорошо извѣстный въ тогдашней Москвѣ, какъ долгое время занимавшій должность секретаря у московскаго митрополита Филарета. Другой сынъ о. Гаврилова—Иванъ Петровичъ носилъ фамилію Вельменшовъ-Сорокосвятскій и въ сороковыхъ годахъ состоялъ въ Москвѣ, на Петровкѣ, протоіереемъ Рождественской въ Столешникахъ церкви. По семейнымъ преданіямъ, это былъ человекъ, пользовавшійся въ обществѣ большимъ уваженіемъ и потому въ его гостиной перѣдко можно было встрѣтить многихъ лицъ высшаго круга, считавшихъ для себя пріятнымъ долгомъ посѣтить въ праздничный день своего уважаемаго наставра и духовнаго отца. При одномъ изъ такихъ торжественныхъ собраній въ гостиной о. протоіерея произошелъ курьезный случай, о которомъ мнѣ рассказывали его непосредственные участники. Иванъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе всѣхъ своихъ родственниковъ, явившихся къ нему съ поздравленіемъ въ дни Св. Пасхи и Рождества Христова, одѣлать серебряными полтинниками, не обращая при этомъ никакого вниманія ни на возрастъ, ни на общественное положеніе визитера и не допуская никакихъ исключеній. Многимъ изъ родственниковъ такая подачка представлялась оскорбительной, но всеобщее уваженіе и расположеніе къ почтенному старцу побуждало, конечно, снисходительно относиться къ его странности, и когда напр. отецъ мой, профессоръ академіи, въ первый разъ послѣ женитьбы отправился съ рождественскимъ визитомъ къ новому дѣдушкѣ, то, предупрежденный матерью, безирекословно получилъ свой полтинникъ. Однажды въ Свѣтлый праздникъ въ гостиной Ивана Петровича сошлось довольно многолюдное собраніе поздравителей, въ числѣ которыхъ были и два брата моеи матери,—молодые люди въ бальныхъ фракахъ и перчаткахъ съ цилиндрами въ рукахъ. Прощаясь послѣ визита съ дѣдушкой, они по обычаю, получили установленный пуръ-буаръ; но, къ несчастію, у одного изъ нихъ онъ нечаянно выпалъ изъ

руки и, скатившись съ ковра, сталь громко оппешывать круги по блестящему крашеному полу. Неудачному визитеру пришлось пережить неприятную минуту, когда, до крайности смущенный присутствіемъ постороннихъ посѣтителей, онъ вынужденъ былъ во всемъ своемъ парадѣ, во фракѣ и съ цилиндромъ, ловить по комнатамъ предательски катавшійся полтинникъ.—Послѣдній изъ извѣстныхъ мнѣ сыновей о. Гаврилова—Григорій Петровичъ Григоровичъ, священствовавшій въ Москвѣ при Сергіевской, въ Рогожской, церкви, былъ моимъ роднымъ прадедомъ, такъ какъ его старшая дочь Марія Григорьевна была матерью моей матери. Въ семейныхъ бумагахъ сохранился у меня маленькій документъ, касающійся свадьбы. этой моей родной бабушки. На карточкѣ въ шестнадцатую долю листа изъ тонкаго, бѣлаго, лакированнаго картона, съ вытисненными на ней рельефными изображеніями голубковъ, цвѣтовъ, вѣнковъ и какихъ-то крылатыхъ богинь, мелкимъ шрифтомъ напечатано: „Сергіевскій Рогожскій Іерей Григорій Петровичъ и Марія Николаевна почтеннѣйше извѣщаютъ всѣхъ родныхъ и благодѣтелей, о помолвкѣ дочери своей дѣвицы Маріи Григорьевны за Магистра Алексѣя Васильевича Г-на Платонова, и покорнѣйше просятъ сдѣлать имъ честь пожаловать на вечеринку, сего 1823 года Мая дня въ 6 часовъ по полудни“. На оборотной сторонѣ карточки, рукою вѣроятно самого Григорія Петровича, послѣ адреса написано: „а Бракосочетаніе имѣетъ быть сего жъ мая 27 дня во второмъ часу по полудни“. Маленькій „Придворный календарь на лѣто отъ Рождества Христова 1748, которое есть високосное содержащее 366 дней“ сохранилъ помѣтку рукою дѣдушки: „1823 года Мая 27 въ воскресенье въ два часа по полудни была свадьба наша“, а тутъ-же бабушка приписала: „этогожъ года месяца 21. чи былъ сговоръ“. „Маія 17 былъ нашъ смотръ тогда было приполовене“.

Эта свадьба была первымъ шагомъ къ сближенію моего рода съ Московскою Духовною Академіей. Дѣдушка Алексѣй Васильевичъ носилъ сперва свою родовую фамилію „Смирновъ“, но какъ обучавшійся въ славяно-греко-латинской академіи и принадлежавшій тамъ къ корпораціи платониковъ, т. е. избранныхъ стипендіатовъ митрополита Платона, получилъ фамилію „Платоновъ“, подъ которой въ

1814 году поступилъ въ число студентовъ перваго курса Московской Духовной Академіи, открывшейся тогда въ Троицкой Сергіевой лаврѣ. Окончивъ въ 1818 году академическій курсъ съ ученой степенью магистра, Алексѣй Васильевичъ четыре года прослужилъ профессоромъ церковной и всеобщей исторіи въ Московской духовной семинаріи и секретаремъ семинарскаго правленія, а затѣмъ, въ 1823 году, занялъ мѣсто священника при Успенской, на Покровкѣ, церкви ¹⁾, гдѣ и оставался до своей кончины, послѣдовавшей 19 августа 1860 года.

Въ одномъ изъ параграфовъ составленной самимъ митрополитомъ Платономъ инструкціи было установлено, что изъ воспитанниковъ славяно-греко-латинской академіи платоникомъ могъ быть только „наилучшій нравомъ, ученіемъ, понятіемъ и прилежаніемъ“ ²⁾. Алексѣй Васильевичъ всею своею жизнію показалъ, что онъ вполне достойно носилъ свою почетную фамилію. Это былъ человекъ замѣчательно добрый, сердечный и отзывчивый; въ высшей степени скромный и кроткій, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкій въ своихъ убѣжденіяхъ, прямой, неподкупно-честный и неспособный ни къ какимъ сомнительнаго свойства компромиссамъ. И не только нравомъ, но и „ученіемъ и понятіемъ“ онъ былъ изъ „наилучшихъ“. Состоя студентомъ Московской академіи, онъ былъ уже изъ числа тѣхъ, которые въ кругу своихъ товарищей выдѣлялись своею особенною ревностію къ научнымъ занятіямъ. Спустя два года послѣ открытія академіи, въ февралѣ 1816-го года, студенты перваго академическаго курса, съ цѣлью взаимнаго обмѣна мыслей, возникавшихъ по поводу изученія той или другой науки, рѣшили учредить особое ученое общество, подъ названіемъ „Ученыя Бесѣды“. Въ числѣ одиннадцати студентовъ—учредителей этого общества, рядомъ съ именами знаменитыхъ въ исторіи Московской академіи П. С. Деллицына и Ѳ. А. Голубинскаго, стоитъ и имя А. В. Платонова. Въ сохранившейся запискѣ Ѳ. А. Голубинскаго объ учрежденіи и дѣятельности этого общества изложено содержаніе пяти первыхъ разсужденій,

¹⁾ Московская духовная семинарія. Списки стр. 12. — Москва 1889.

²⁾ У Троицы въ Академіи 1814—1914. Юбилейный сборникъ, стр. 203. Москва 1914 г.

читанныхъ на его собраніяхъ, при чемъ на третьемъ мѣстѣ поставлено разсужденіе, „читанное (апр. 20-го) Алексѣемъ Платоновымъ, въ которомъ подробно разсматривается много-знаменательное взятіе Іерихона“¹⁾.—Оставивъ профессорскую службу въ семинаріи и занявъ мѣсто приходскаго священника, Алексѣй Васильевичъ съ особенною любовію сосредоточилъ свои заботы на ремонтъ и украшеніи мѣстнаго храма, тѣмъ болѣе, что этотъ храмъ представлялъ собою по своей архитектурѣ одну изъ выдающихся достопримѣчательностей нашей столицы. Помнится, что въ шестидесятыхъ годахъ, когда прѣѣзжала въ Москву многочисленная делегація представителей отъ разныхъ славянскихъ племенъ, въ составѣ которой были напр. Ригеръ, Головацкій и др., эти славянскіе гости заинтересовались, между прочимъ, и Успенской, на Покровкѣ, церковію, гдѣ въ полномъ составѣ своей делегаціи присутствовали за литургіей. Существуетъ преданіе, что во время пребыванія въ Москвѣ французовъ въ 1812 г. императоръ Наполеонъ обратилъ особое вниманіе на красоту Успенской церкви и будто-бы сказалъ, что она достойна того, чтобы быть поставленной подъ стекляннымъ колпакомъ.—Значительную долю своихъ силъ и труда посвящалъ Алексѣй Васильевичъ дѣятельности педагогической. Онъ состоялъ законоучителемъ во всѣхъ классахъ женскаго учебнаго заведенія при Петропавловской лютеранской школѣ (Peterschule) и, кромѣ того, имѣлъ не мало частныхъ уроковъ въ пзвѣстныхъ тогда барскихъ семьяхъ напр. Пашковыхъ и Головинныхъ. По поводу его отношеній къ лютеранской школѣ возникло даже любопытное „дѣло“ въ духовной консисторіи. Когда сдѣлано было представленіе Алексѣя Васильевича къ очередной наградѣ за его епархіальную службу, консисторія отнеслась къ этому несочувственно, поставляя ему въ вину то обстоятельство, что онъ законоучительствуетъ въ лютеранской школѣ и тамъ-же воспитываетъ своихъ дочерей, что не приличествуетъ-де православному священнику. Такое мнѣніе свое консисторія представила на утвержденіе митрополита Филарета. Владыка написалъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что законоучительство въ лютеранской школѣ, гдѣ обучаются и дѣвцы православ-

¹⁾ Ibidem. стр. 7—8.

наго исповѣданія, не представляется предосудительнымъ, и нуженъ лишь отзывъ о характерѣ и достоинствахъ этой дѣятельности Алексѣя Васильевича со стороны мѣстнаго благочиннаго. Что-же касается воспитанія дочерей въ этой школѣ, то Владыка сталъ на сторону консисторіи и находилъ нужнымъ сдѣлать священнику Платонову надлежащее внушеніе. Получилъ-ли на этотъ разъ дѣдушка слѣдовавшую ему награду,—мнѣ не извѣстно; но начальственныя внушенія, очевидно, не въ силахъ были заставить его перемѣнить свои взгляды на дѣло. Преподаваніе закона Божія въ Петропавловской школѣ онъ продолжалъ и впредь почти до конца жизни своей, а всѣ его дочери воспитывались тамъ до окончанія полнаго курса. Такая самостоятельность Алексѣя Васильевича, повидимому, не особенно высоко цѣнилась епархіальнымъ начальствомъ и своею благосклонностію оно его не баловало, такъ какъ онъ, хотя и магистръ академіи, окончилъ жизнь свою, не дослужившись даже до наперснаго креста.—Какъ въ исторіи о законоучительствѣ въ лютеранской школѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ его жизни, на Алексѣя Васильевича, мнѣ думается, отразилось несомнѣнное вліяніе пройденной имъ Платоновской школы. Помимо общаго образованія, какое получали платоники наравнѣ съ другими студентами въ академіи, они обязывались особенно трудиться въ изученіи иностранныхъ языковъ. Между собою студенты должны были „разговаривать всегда или по-латыни, или по-французски, или по-нѣмецки, кои тѣмъ языкамъ учатся“. Сверхъ этого, двое изъ платониковъ обязаны были изучать греческій языкъ и на ономъ разговаривать: для этого они обязывались часто ходить въ греческій монастырь, находившійся пососѣдству съ академіей, тамъ читать и пѣть, а „съ греками имѣть обращеніе для разговора“¹⁾.—Это стремленіе къ изученію иностранныхъ языковъ, съ раннихъ лѣтъ внѣдренное школой Платона, сохранялось у Алексѣя Васильевича во все послѣдующее время его жизни. Мои родители рассказывали мнѣ, что дѣдушка, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ, любилъ заводить знакомство и вступать въ общеніе съ французами и нѣмцами, чтобы практиковаться съ ними

1) Ibidem. стр. 205.

въ разговорѣ на ихъ языкахъ, и съ этою цѣлію даже посѣщаль иногда на Лубянкѣ какой-то ресторапъ, излюбленный нѣмцами, гдѣ они собирались побесѣдовать за кружкой пива. Такая смѣлость для дѣдушки, по тѣмъ временамъ и въ его положеніи, была, конечно, необычайною и даже весьма рискованною. Законоучительство въ лютеранской школѣ было для Алексѣя Васильевича наилучшимъ средствомъ къ постоянному, тѣсному и живому общенію съ иностранцами, которые въ преподавательскомъ персоналѣ женскаго училища составляли, конечно, большинство. Пользуясь самъ этимъ средствомъ, дѣдушка-платоникъ желалъ и дочерямъ своимъ дать такое образованіе, при которомъ изученіе новыхъ языковъ ставилось на видное мѣсто и которое потому наиболѣе соответствовало его воззрѣніямъ. Цѣль его въ данномъ случаѣ была, повидимому, въ значительной степени достигнута и всѣ четыре его дочери, окончившія курсъ Петропавловской школы, довольно свободно владѣли и французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Въ семейныхъ бумагахъ я нашелъ рядъ писемъ, изъ которыхъ видно, что мать моя, Маргарита Алексѣевна, и старшая сестра ея, Марія Алексѣевна, бывшая въ замужествѣ за преподавателемъ Виѣанской семинаріи, впослѣдствіи Московскимъ протоіереемъ С. М. Поспѣловымъ, вели между собою нѣкоторое время постоянную переписку на французскомъ языкѣ; а записи ежедневныхъ расходовъ, куда аккуратно вносились каждая истраченная копейка, велись моею матерью по нѣмецки до послѣднихъ дней ея жизни. Скончался дѣдушка, когда мнѣ было уже девять лѣтъ, и я очень хорошо помню этого благообразнаго старца съ большою сѣдою бородой, добраго и ласковаго, относившагося ко мнѣ, младшему изъ его внуковъ, съ особенной нѣжностью и нерѣдко по-долгу занимавшагося и бесѣдовавшаго со мною въ своемъ маленькомъ кабинетикѣ. Стоялъ я вмѣстѣ съ другими и у смертнаго одра любимаго дѣдушки при его кончинѣ. Это былъ первый въ моей жизни случай, когда мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ смерти человека, а потому вся обстановка этой тяжелой минуты крѣпко запечатлѣлась въ моей памяти.

У Алексѣя Васильевича было, сколько мнѣ извѣстно, пять братьевъ, изъ которыхъ четверыхъ я зналъ и хорошо помню. Это были люди разнообразныхъ профессій: сельскій

священникъ, врачъ при воспитательномъ домѣ, московскій дьячекъ и учитель гимназій въ Петроградѣ; но всѣ они не представляли собою ничего особеннаго и заслуживаетъ быть отмѣченнымъ лишь одинъ изъ нихъ, самый не высокій по рангу. Митрофанъ Васильевичъ Смирновъ, не проходя никакой школы и получивъ образованіе только въ домѣ отца своего, бывшаго сельскимъ дьячкомъ, съ тринадцатилѣтняго возраста вступилъ на тотъ-же скромный путь и занялъ причетническое мѣсто сперва въ селѣ, а затѣмъ при Московской Введенской, на Лубянкѣ, церкви. Пятьдесятъ три года проходилъ онъ свою дьячковскую службу и наконецъ, уже на престѣдцать седьмомъ году жизни своей, дослужился до того, что епархіальная власть нашла нужнымъ отрѣшнить его отъ мѣста и опредѣлить причетникомъ-же гдѣ-либо въ столицѣ. Такой необыкновенный финалъ полувѣковаго служенія вызванъ былъ и необыкновенною причиною. При крайней скудости своего образованія, Митрофанъ Васильевичъ въ интеллектуальномъ отношеніи былъ, повидимому, выдающимся самородкомъ. Пристрастившись къ археологій, онъ ревностно принялся за разысканіе и изученіе различныхъ предметовъ русской старины. Въ продолженіи сорока шести лѣтъ своего московскаго служенія при Введенской церкви, онъ такъ успѣлъ усовершенствоваться въ избранной имъ специальности, что приобрѣлъ широкую извѣстность знатока-антикварія. Свои занятія по изученію русской старины онъ успѣшно обратилъ въ источникъ дохода и развилъ широкій промыселъ по покушкѣ и продажѣ предметовъ древности. Насколько успѣшна была его антикварная торговля, можно судить уже по тому, что онъ приобрѣлъ себѣ хорошей домъ на большой Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста и оставилъ дѣтямъ своимъ приличное наслѣдство, что едва-ли могло быть результатомъ скромныхъ дьячковскихъ доходовъ. Повидимому, именно этотъ коммерческій успѣхъ Митрофана Васильевича вооружилъ противъ него какихъ-либо его торговыхъ конкурентовъ и возникло „дѣло, начатое по отношенію Московской Торговой Депутатціи о воспрещеніи дьячку Митрофану Смирнову производить торговлю“. По этому дѣлу положено было утвержденное митрополитомъ мнѣніе Преосв. Викарія ¹⁾, которое гласило: „Дьячка Смирнова, ча-

¹⁾ Филовея, епископа Дмитровскаго.

стію въ наказаніе за неприличное и недозволенное духовнымъ лицамъ занятіе торговлею нѣкоторыми вещами, частію для удержанія его на будущее время отъ сего незаконнаго занятія, отрѣшить отъ занимаемаго имъ мѣста и опредѣлить на причетническое мѣсто въ городѣ внѣ столицы, или въ селѣ“¹⁾.—Митрофанъ Васильевичъ не пожелалъ однако покидать Москву и подалъ прошеніе объ увольненіи его за штатъ. „Чувствую себя“, писалъ онъ, „къ службѣ церковной болѣе неспособнымъ и зрѣніе мое повреждается и всѣмъ тѣлеснымъ движеніемъ ослабѣваю“. Увольненіе состоялось и онъ остался въ Москвѣ, проживая въ собственномъ домѣ и продолжая, конечно, заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ.—Личныя мои воспоминанія о Митрофанѣ Васильевичѣ относятся къ концу пятидесятихъ годовъ, т. е. къ тому времени, когда онъ давно уже окончилъ свое церковное служеніе и когда ему было за семьдесятъ лѣтъ. Ярво врѣзалась въ моей дѣтской памяти его характерная фигура, когда нерѣдко посѣщая брата своего Алексѣя Васильевича, онъ по долгу бесѣдовалъ съ нимъ въ залѣ и съ увлеченіемъ рассказывалъ о разныхъ интересныхъ случаяхъ изъ своей антикварной практики. Самая внѣшность Митрофана Васильевича соответствовала его специальности и невольно обращала на себя вниманіе своей оригинальностью. Онъ одѣтъ былъ въ какомъ-то цвѣтномъ короткомъ камзолѣ съ большимъ цвѣтнымъ-же галстухомъ на шеѣ, въ чулкахъ и туфляхъ, и сидѣлъ обыкновенно опершись на толстую трость съ массивнымъ серебрянымъ набалдашникомъ, вѣроятно также антикварнаго свойства. Глядя на него, едва ли кто призналъ бы въ немъ заштатнаго московскаго дьячка,—скорѣе онъ похожъ былъ на какого-нибудь голландца или француза временъ Людовика XIV-го.

О предкахъ своихъ по отцовской линіи я знаю очень мало. Даже родного дѣдушку своего протоіерея Кирилла Никифоровича Соколова мнѣ видѣть не пришлось;—онъ скончался въ Костромѣ въ 1857-мъ году, когда я былъ еще шестилѣтнимъ ребенкомъ. Знаю лишь о немъ, что занималъ онъ должность смотрителя въ костромскомъ духовномъ училищѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ настоятелемъ Спасской, въ рядахъ,

1) Дѣло Московскои Духовной Консисторіи № 750 лист. 2.

церкви. Овдовѣвшая бабушка, переселившаяся послѣ смерти мужа въ Москву и долго жившая въ семьѣ моего отца, какъ-то рассказывала мнѣ, что ее выдали замужъ тринадцатилѣтней дѣвочкой, такъ что она и въ замужествѣ продолжала еще развлекаться игрою въ куклы, а Кирилль Никифоровичъ, отправляясь зимою куда-либо въ гости съ своею юною супругой, при тогдашней простотѣ нравовъ, обыкновенно возилъ ее туда и обратно на дровяныхъ салазкахъ.—Мало извѣстное мнѣ родство съ отцовскою стороною было однако въ особенности дорого для меня тѣмъ, что расширило и твердо закрѣпило то тѣсное сближеніе моего рода съ Московской Духовной Академіей, начало которому положено было дѣдушкой-платоникомъ Алексѣемъ Васильевичемъ. Братъ моеи костромской родной бабушки Анны Сергѣевны, протоіерей костромского собора Василій Сергѣевичъ Горскій былъ отцомъ незабвеннаго въ исторіи Московской Академіи ректора ея Александра Васильевича, который приходился такимъ образомъ двоюроднымъ братомъ моему отцу. Сближеніе моего рода съ Московской Академіей стало, наконецъ, еще болѣе полнымъ, когда и отецъ мой и братъ его Николай Кирилловичъ и я самъ получили въ ней свое высшее образованіе и въ ней-же послужили на профессорскихъ кафедрахъ.

В. Соколовъ.

(Продолженіе будетъ).
